

Шахназарян Наринэ Ониковна

СЦЕНАРИЙ СТРАДАНИЯ КНЯЗЯ МЫШКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ")

В статье предпринята попытка создания сценария негативных эмоций на материале одного художественного текста. Сценарий создается через определяющее в ментальной картине мира Ф. М. Достоевского понятие "страдание". Цель - показать взаимодействие литературоведения и лингвистики, выявить отношение языка художественной литературы к системе языка в целом. Общая тенденция к антропологизации лингвистики вынуждает нас делать акцент на личностный фактор, смысловое своеобразие единиц в речи изучается в аспекте авторских целей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/60.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 214-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8; 82:311.1

Филологические науки

В статье предпринята попытка создания сценария негативных эмоций на материале одного художественного текста. Сценарий создается через определяющее в ментальной картине мира Ф. М. Достоевского понятие «страдание». Цель – показать взаимодействие литературоведения и лингвистики, выявить отношение языка художественной литературы к системе языка в целом. Общая тенденция к антропологизации лингвистики вынуждает нас делать акцент на личностный фактор, смысловое своеобразие единиц в речи изучается в аспекте авторских целей.

Ключевые слова и фразы: негативная эмоция; сценарий; страдание; мука; ужас; страх; источники страдания; органы чувств; длительность эмоции.

Шахназарян Наринэ Ониковна

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
narinka-87o@mail.ru*

**СЦЕНАРИЙ СТРАДАНИЯ КНЯЗЯ МЫШКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)[©]**

В исследовании «Образ человека по данным языка» Ю. Д. Апресян реконструирует образ человека на основании языковых данных. Автором дается подробный разбор и эмоциональной системы. Семантическим примитивом всех эмоций является глагол «чувствовать». Исследование представляет для нас большой интерес потому, что в нем расписываются **фазы развития эмоций (сценарий)**. Выделяются звенья сценария: **причины эмоции; собственно эмоция; желание продлить/пресечь эмоцию; проявления эмоции** (сопутствующие контролируемые и неконтролируемые чувства); **внешняя физиологическая реакция тела на эмоцию** [2, с. 37-67]. На теоретические основы исследования Ю. Д. Апресяна мы опираемся в своей статье. Цель настоящей публикации – выявление особенностей реализации сценария негативных эмоций в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Сценарий развития негативных эмоций князя Мышкина создается через ключевое для миропонимания Ф. М. Достоевского состояние – СТРАДАНИЕ.

Для того чтобы читатель мог следить за внутренней хронологией страдания, мы распределяем звенья сценария по следующим смысловым блокам:

- 1) источники страдания;
- 2) длительность страдания;
- 3) органы проявления страдания;
- 4) пресечение страдания.

Отличительная черта нашего исследования – анализ языковых единиц в контекстном употреблении; в художественном тексте «высказывание не может существовать вне контекста, вне динамики смысловой реализации» [13, с. 138].

1. Источники страдания Главный источник страдания князя Мышкина – **эпилепсия**. Болезнь – символ образа и причина поведения Мышкина. «*Помешательство как болезненное состояние душевной деятельности*» давно стало предметом художественного описания. Но Ф. М. Достоевский первым из писателей проник в больную душу: «*Следуя за ним, мы ощущаем, как зарождалась болезнь, развивалась, чем проявлялось душевное расстройство*» [3, с. 140]. Исследователь Н. А. Богданов обращает внимание на большую точность описаний эпилепсии в романе: «*Эпилепсия заявляет о себе не одним только судорожным припадком, она представляется самой многообразной формой душевной болезни*» [4, с. 338]. Резкая смена настроения князя связывается с его заболеванием. Акцент делается и на главное следствие эпилепсии – отсутствие гармонии в характере героя: сочетание детского простодушия, сострадания с эгоизмом – замкнутостью на себе [Там же, с. 337-357].

Таким образом, болезнь рассматривается как причина раздвоенности во внутреннем мире Мышкина. С другой стороны, приступ – это и своеобразное очищение души через страдания, поэтому автор придает болезни такое большое значение. Ф. М. Достоевскому удается оправданно с точки зрения повествования вписывать приступы болезни в ткань текста: «*В такое время он <Мышкин> часто смешивает предметы и лица. Ему очень захотелось проверить, стоял ли он сейчас перед лавкой: была одна вещь, на которую он смотрел и даже оценивал в шестьдесят копеек серебром*» [8, с. 239]. Здесь художественная деталь тонко вписывается в логику передачи состояния Мышкина перед эпилептическим припадком.

Причинами страдания Мышкина могут являться и его **нескладывающиеся отношения с женщинами**. Обе попытки Мышкина наладить личную жизнь заканчиваются откровенной нелепостью. И если в случае с Настасьей Филипповной женщина сама отстраняется от князя, считая себя недостойной того, чтобы с ним находиться, то в случае с Аглаей сам Мышкин понимает, что это – предел его возможностей, перед этим женским идеалом он бессилён. Страдает князь не от того, что не удовлетворены его желания быть с любимыми женщинами, а от того, что он становится причиной их несчастья.

К постоянным страданиям приводит Мышкина и его *природная детская неприспособленность к жизни*. «Дитя совершенное», «младенец» – так называют смущающегося, как «десятилетний мальчик», князя другие герои. В традиции Достоевского ребенок всегда представляется образцом невинности, безгрешности, правды и красоты. Такой положительно прекрасный Мышкин оказывается непонятым обществом. Только Аглая замечает: «*Главный ум у Вас лучше, чем у них всех, есть два ума: главный и неглавный*» [9, с. 116]. Что имеется в виду под «главным умом»? Главный ум – это природный, врожденный ум. У Мышкина наивность и чисто детское простодушие, слабое личное самосознание, недостаток практического опыта сочетаются со способностью глубоко интуитивно наблюдать и понимать душевные движения и характер окружающих людей. Мышкин всегда поражает своей серьезностью и глубиной там, где дело касается сильных переживаний других лиц. «*Сила князя определяется не логикой, а богатой интуитивной способностью, эмотивной окраской идей в его голове. Сердце его всецело слито с чужими нуждами и страданиями*», – пишет Д. А. Аменицкий [1]. Сам князь, присутствуя при одной умной беседе, высказывается, что чувствует себя неуверенно, полагая, что его простота несовместима со сложностью обсуждаемых тем: «*Есть такие высокие идеи, о которых я не должен начинать говорить, потому что я непременно всех насмешу...*» [8, с. 267]. Но простота князя совершенно особого свойства, это – простота души; которая, по замечанию Д. А. Аменицкого, свойственна Пьеру Безухову [1].

Зачастую князь оказывается ведущим в отношениях с миром. Лизавета Прокофьевна, вспоминая атмосферу в своем доме, отмечает: «*И вот только показался этот скверный князишко, этот идиотишко, и все опять взбаламутилось, все в доме вверх дном пошло*» [9, с. 12]. «Князишко», «идиотишко» – уменьшительно-пренебрежительные формы существительных. Положение Мышкина уникально: он один такой, не ведомый, а ведущий в отношениях с миром. Ведущее положение подчеркивается словами «*пока ему удавалось разрешать все ситуации*» [Там же, с. 117]. Князь затрагивает что-то сущностное в каждом человеке, потому они остаются под его контролем. Но контроль подразумевает и личную хладнокровность, а с этим князь не всегда справляется, воспринимая проблемы каждого человека слишком близко к сердцу.

2. Длительность страдания Подходить к временным характеристикам страдания Мышкина можно с нескольких сторон. После прочтения романа становится понятно, что князь страдает *всю жизнь*. С другой стороны, если мы говорим, что болезнь князя есть болезнь душевная, то *время страдания укладывается в рамки эпилептического припадка*. Начало длинного припадка во второй части романа: «*Внутренний свет озарил его душу. Это мгновение продолжалось полсекунды; он ясно и сознательно помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля. Затем сознание его угасло мгновенно, и наступил полный мрак*» [8, с. 195]. Достоевский не вырывает припадок из ряда предшествующих событий. Мы можем наблюдать, как нарастает болезненное состояние, как побеждает сопротивление организма, как разрешается припадок: «*Еще мгновение, вместо ужаса – свет и радость, восторг. Мгновение прошло*» [9, с. 241]. В момент припадка *время замедляет свой ход, почти останавливается*, каждая секунда остро переживается: «*Предчувствие той окончательной секунды, с которой начинался самый припадок. Эта секунда была невыносима*» [8, с. 240]. Есть и другие примеры *фрагментарного страдания*, когда берется один фрагмент крупным планом и как бы в замедленной съемке. Это позволяет показать развитие состояния: «*Отчаяние и страдание захватили всю его душу. Князь хотел повернуть назад, но через минуту остановился. С ним произошла необыкновенная перемена: он опять шел бледный, слабый, страдающий*» [Там же, с. 246]. Передается психологическое состояние персонажа, запутавшегося в чувствах. И последние строки этого фрагмента: «*Нет, не русская душа потемки, а у него самого на душе потемки*» [Там же, с. 257] – приговор себе.

Состояние прямо не называется, а передается в ходе действия, в жестах, выделяется пунктуационно (многоточием), синтаксически (повторами) и лексически: «*Он шел, почти в тоске смотря направо, «хотел повернуть», «колени дрожали», «долго смотрел». «Сердце его билось от беспокойного нетерпения!.. Но отворачивание пересилило: не захотел обдумывать, не стал обдумывать; он задумался совсем о другом*» [Там же, с. 239]. На протяжении фрагмента один смысл может уступать место другому: «*Была минута в конце этого мучительного пути, когда князя захватило желание пойти к Рогожину, обнять, сказать ему все и кончить разом*» [Там же, с. 248]. В последней цитате пример косвенного изображения состояния героя через повествование о намерениях и поступках персонажа. Динамическая цепочка фраз раскрывает противоречивую сущность героя, его нерешительность. Счет идет на *секунды и минуты*. Хотя страдание охватывает весь фрагмент, за счет динамики и движения в подобных фрагментах у читателя не возникает ощущения затянувшегося во времени пассивного страдания. Состояние Мышкина в такие моменты изображается очень кинематографично.

3. Органы проявления страдания В передаче эмоционального состояния персонажа большую роль играют не только эмотивные глаголы («страдать», «мучиться», «болеть»), но и слова, обозначающие *традиционные органы духовных чувств (лицо, глаза, сердце, душа, грудь)*. «*Новый порыв горячо охватил его сердце*», «*ужасная тяжесть давила ему грудь*», «*нахлынувшие в душу и сердце вопросы*» [Там же, с. 238]. Ярко среди фраз с метонимическим переносом воспринимаются конструкции с существительным «сердце» в субъектной позиции: «*Сердце князя уже начинало уставать плакать от этих нестерпимых и постыдных мук*» [Там же, с. 240]. Лицо – традиционное место выражения чувств. У Мышкина оно место отображения не столько страдания, сколько простодушия, наивности: «*В его лице как-то отражалась эта наивность, эта вера, не подозревавшая ни насмешки, ни юмора*» [9, с. 18]. Наивность внимания – признак искреннего, бескорыстного интереса к другому человеку.

4. Пресечение страдания Пресечение страдания *пассивное*, Мышкин не в состоянии активными физическими действиями прекратить свои мучения. Это не тип Раскольникова – сознательного убийцы, циника. Мышкин в моменты приступа становится абсолютно беспомощным. *Душевные муки переплетаются с физическим недугом, приглушаются им*, либо душевные муки *сменяются чередой положительных эмоций* (переход от страдания к любви).

Мышкин никаким образом не наслаждается своим страданием. Князь подчеркивает, что пребывание человека в любом негативном эмоциональном состоянии ненормально, даже несовместимо с жизнью: *«отвращение было ужасно», «мысль переродилась в такую злобу, что ему хотелось, чтоб его поскорее застрелили»* [8, с. 66]. Далее: *«Я понять не мог, как тоскуют и зачем тоскуют люди?»* [Там же, с. 81].

В начале романа Мышкин размышляет о двойственности страдания. Герой его рассказа – человек, приговоренный к смертной казни, предел наглядности. Здесь исчезает грань между страданиями душевными и физическими: *«Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят»* [Там же, с. 24]. Сочетание «душевные судороги» – окказиональное, показатель связи душевного и физического состояния. Даже говоря об абстрактном человеке, князь заботится о быстротечности страдания: *«хорошо муки немного, когда голова отлетает»* [Там же]. «Немного муки» – количественная характеристика эмоциональной категории. А может ли муки быть много, когда за ней только смерть? Человеку свойственно стремление пресекать страдания любой ценой, кроме как ценой пресечения собственной жизни. Приговоренный к смерти герой из рассказа Мышкина в своем стремлении пожить доходит до чудовищного абсурда: *«Уж горло перерезано, а он еще надеется, просит. Вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете»* [Там же, с. 25].

В рассказе Мышкина о казни Достоевский проводит интересную мысль – **физическое страдание отвлекает от страдания душевного**. *«Страдания и раны, мука телесная, все это от душевного страдания отвлекает. А ведь самая сильная боль не в ранах, а в том, что потом душа из тела вылетит»* [Там же, с. 24]. В словах Мышкина религиозный подтекст, тело – оболочка души.

Не случайно Достоевским подробно описывается именно состояние человека, приговоренного к казни, в этот момент человек полностью обнажается. На первый план выходят **сопутствующие страданию состояния: страх и его крайняя степень ужас**. Страх Мышкина – это **страх ребенка**, потому и внешние физические проявления здесь – **слезы**: *«Я и не думал, что от страху можно было заплакать не ребенку»* [Там же]. С детьми связан швейцарский период жизни князя: *«Был там с одними детьми»* [Там же, с. 73]. «Одни» – утверждение исключительного положения детей в системе идейно-художественных ценностей Достоевского. Хотя Мышкин и говорит: *«Я там только здоровье поправил»*, но позже сам добавляет, что *«через детей душа лечится»* [Там же]. В «Идиоте» дети – это особая группа людей. Дети оказывают благотворное воздействие на душевное состояние героя, поэтому перед рассказом о детях автор дает размышление Мышкина о счастье: *«Был счастлив»* [Там же, с. 72]. В детях автор находит счастье, спасающее от страданий. С Мышкиным детей объединяют и резкие перепады настроения – от ненависти к любви. Мышкин до приезда в Россию любит детей: *«Я смеялся от счастья, глядя на их маленькие и вечно бегущие ножки, на смех и слезы, и я забывал тогда всю мою тоску»* [Там же, с. 81]. Антономы «смех» и «слезы» как показатель быстрой смены одного состояния другим указывают на схожесть Мышкина и детей.

Итак, реализация сценария Ю. Д. Апресяна в романе «Идиот» показывает, что страдание князя Мышкина является следствием болезни. Герой не обрекает себя на страдания в целях нравственного очищения. Страдание изображается как прямо (посредством эмотивных глаголов), так и косвенно – через мысли и поступки персонажа. Одни эмоциональные состояния могут переходить в другие, поэтому мы обращаем внимание и на сопутствующие страданию состояния. Единицами нашего исследования становятся не отдельные лексические и синтаксические единицы, а целые иллюстративные контексты. Анализ ведется через изучение смыслов слова и соответствующих слову сочетаний, как общеязыковых, так и контекстуальных, продиктованных художественными задачами автора.

Список литературы

1. Аменицкий Д. А. Эпилепсия в творческом освещении Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://pathographia.narod.ru/sbornik/AMENIZ1.htm> (дата обращения: 10.04.2014).
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
3. Бехтерев В. М. Достоевский и художественная психопатология. Бехтерев о Достоевском // Русская литература. 1962. № 4. С. 131-141.
4. Богданов Н. А. Священная болезнь князя Мышкина – *morbus sacer* Федора Достоевского // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: сб. работ отечеств. и зарубеж. ученых / Рос. акад. наук; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 2001. С. 337-357.
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Гашева Н. Н. Связь мотивов детства и «иноного мира» в мирозерцании Достоевского // Проблемы межкультурной коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1999. С. 44-49.
7. Додонов Б. И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопросы психологии. 1975. № 6. С. 21-33.
8. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 6. 367 с.
9. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 7. 319 с.

10. Касаткина Т. А. «Идиот» и «чудак»: синонимия или антонимия? // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 90-103.
11. Лукьянова Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 12-46.
12. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М.: Наука, 2003. 157 с.
13. Новикова М. Г. Высказывание в художественном тексте: сущностные характеристики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3. Ч. 1. С. 138-141.
14. Одиноков В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 144 с.

**THE SCENARIO OF PRINCE MYSHKIN'S SUFFERING
(BY THE MATERIAL OF F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "THE IDIOT")**

Shakhnazaryan Narine Onikovna

Saratov State University

narinka-87o@mail.ru

In the article the author makes an attempt to create a scenario of negative emotions by the material of one literary text. The scenario is created through the key in the mental world picture of F. M. Dostoyevsky notion "suffering". The goal is to show the interaction of literary criticism and linguistics and to reveal the relation of the fiction language to the language system as a whole. General tendency for linguistics anthropologization forces us to make an emphasis on a personality factor; semantic peculiarity of units in speech is studied in the aspect of author's purposes.

Key words and phrases: negative emotion; scenario; suffering; torment; horror; fear; sources of suffering; sense organs; emotion duration.

УДК 81'255.2:821.14

Филологические науки

В статье рассматриваются различные мнения ученых-лингвистов о сущности понятия трансформации перевода. Анализируются критерии ряда классификаций и некоторые приемы переводческих трансформаций как межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирования с целью достижения переводческого эквивалента. Специфика переводческих трансформаций прослеживается на материале перевода романов греческого писателя Н. Казандзакиса «Я, грек Зорба» и «Христа распинают вновь».

Ключевые слова и фразы: переводческие трансформации; перевод; переводческие эквиваленты; новогреческий язык; адекватность перевода.

Щеглова Наталья Владиславовна, к. филол. н.

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

karderina1977@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. КАЗАНДЗАКИСА)[©]**

Сегодня, несмотря на относительно молодой возраст науки переводоведения, существует множество работ, посвященных переводческим трансформациям. Это объясняется тем, что знание теоретических основ перевода очень важно в работе каждого переводчика. Однако общего мнения о сущности понятия трансформации лингвисты так и не выработали. Отсюда большое количество классификаций, основой которых послужили разные критерии. Данная статья посвящена анализу ряда классификаций и некоторых приемов переводческих трансформаций.

Среди множества определений понятия «переводческая трансформация» общепризнанным считается определение, предложенное Л. С. Бархударовым, исходя из которого, под переводческими трансформациями мы будем понимать межъязыковые преобразования, перестройку элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирования с целью достижения переводческого эквивалента [1].

Большинство лингвистов все переводческие трансформации делят на лексические, грамматические и смешанные (комплексные).

К *грамматическим трансформациям* относятся перестановки, опущения и добавления, перестройки и замены предложений.

В случае *стилистических трансформаций* используют такие приемы, как синонимические замены, описательный перевод, компенсация и пр. При *лексических трансформациях* происходят замена, опущения, добавления, конкретизация и генерализация предложений.